

ПЁТР ЖУЛИКОВ

ОТЦЫ НЕ ДЕТИ

ПРИЛЁТЫ	
Время	События
10:30	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
10:30	КАЗАНЬ
10:30	СОЧИ
10:30	МИНСК
10:30	ЕКАТЕРИНБУРГ
10:30	КРАСНОДАР
10:30	РОСТОВ-НА-ДОНУ
10:30	НОВОСИБИРСК

ПРИЛЁТ
ARRIVALS



Пётр Жуликов

Отцы не дети

<https://litres.ru/74043883>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация: «Отцы не дети» - роман-сериал печатается в формате черновиков роман -сериала. Это история о возвращении традиционных ценностей, семейной памяти и новой русской проблеме, которая навалилась не только на страну, но и на каждый дом, чена каждую семью. История о проблеме отцов и сыновей развивающейся между родителями через любовь, деньги, веру, власть и обычный быт. Николай Петрович Кирсанов встречает сына Аркадия после учёбы в Англии. Вместе с Аркадием приезжает Евгений Базаров - молодой нейрохирург, человек резкий, внимательный и опасно умный. Их приезд нарушает привычный порядок дома Кирсановых и выходит на уровень города, области страны, вытаскивает наружу всё, о чём люди привыкли молчать.

Содержание

Введение	5
Содержание	6
Пролог. Улетевшие	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Пётр Жуликов

Отцы не дети

Отцы не дети

Перечитывая классику

Черновик романа-сериала. Первые четыре главы

Пётр Жуликов

Введение

Эта книга задумана как роман-сериал: не пересказ Тургенева и не литературная игра ради игры, а разговор с классикой из сегодняшнего дня.

Герои знакомы по именам и интонациям, но живут уже в другой России: с аэропортами, бизнесом, охраной, государственными разговорами, семейными тайнами, дорогими машинами, разбитыми дорогами и старым русским вопросом - что делать с отцами, детьми, страной и собственной совестью.

Первые четыре главы - это вход в мир Кирсановых. Аркадий возвращается из Англии, привозит Базарова, и простая семейная встреча постепенно превращается в столкновение взглядов, поколений и разных представлений о России.

Текст публикуется как черновик романа-сериала. Это значит, что книга будет выходить частями, а читатель сможет видеть, как история разворачивается глава за главой.

Содержание

Пролог. Улетевшие

Глава 1. Возвращение

Глава 2. Дом Кирсановых

Глава 3. Семейный совет

Глава 4. Война миров

Пролог. Улетевшие

В аэропорту Шереметьево Николай Петрович Кирсанов приехал заранее.

Вообще пунктуальность была его отличительной чертой: он всегда не любил чужих опозданий и сам старался никуда не опаздывать. Но тут было событие неординарное, которое само по себе изрядно волновало Николая Петровича: сын возвращался после учёбы из Лондона. И были ещё причины, о которых читатель сможет узнать несколько позже. Короче, опасаясь опоздать, Николай Петрович приехал прилично заранее и, стоя перед табло, с раздражением прочитал, что самолёт из Лондона задерживается на сорок минут.

От нечего делать Николай Петрович решил прогуляться по залу, разглядывая толпу, которая энергично катила чемоданы, обнималась, ругалась по телефону, тащила детей, зевала, снимала деньги, покупала кофе в бумажных стаканчиках и куда-то озабоченно спешила. Николай Петрович смотрел на эту суету с лёгкой грустью и тревогой, краплёной странным чувством вины.

В голове почему-то вертелась странная мысль: Аркадий сказал, что он возвращается. Не приезжает на каникулы, не залетает на пару дней, не появляется из вежливости, а именно возвращается. Так сын и написал: «Папа, хочу попробовать жить дома». Николай Петрович перечитывал это сооб-

щение раз двадцать и всякий раз не понимал, радоваться ему или тревожиться.

Рядом вдруг зашевелилась толпа: журналисты с бейджами, камеры, микрофоны. Николай Петрович оказался почти в центре этой толпы и хотел было отойти подальше, но увидел женщину в светлом дорогом пальто, вокруг которой всё это и крутилось.

Женщина была ему знакома. Не лично, конечно, а как спортивная звезда, которая всем была знакома по телевидению, - Тира Руднина.

Её часто показывали по телевизору, называли гордостью страны, лицом эпохи, женщиной-легендой. Николай Петрович помнил, как его жена плакала, когда Руднина после какой-то победы стояла под гимн, прижимала руку к груди и по щекам её текли слёзы. Тогда казалось, что такие люди принадлежат не себе, а всей стране, как Кремль, Волга, школьный букварь, портрет Гагарина.

Теперь Тира Руднина улетала.

Она стояла перед иностранными журналистами с таким выражением лица, будто не Родину покидала, а наконец выходила из душной комнаты, где её слишком долго держали среди глупых родственников. Улыбалась широко, уверенно, чуть устало, как улыбаются люди, давно решившие, что совесть у них заменена биографией.

Один журналист спросил что-то по-английски. Руднина ответила на русском, громко, чтобы слышали и свои.

- Я больше не могу жить в стране, где талант всегда должен оправдываться перед бездарностью. Я слишком много отдала этой земле, но эта земля ничего не поняла.

Кто-то из сопровождающих мягко засмеялся. Камеры придвинулись ближе.

- Россия, - продолжила она, чуть подняв подбородок, - это страна великого прошлого и очень тяжёлого настоящего. Я благодарна людям, которые меня любили, но я не обязана погибать вместе с их иллюзиями.

Николай Петрович почувствовал, как у него неприятно сжалось горло.

Не от слов даже. Слова были привычные, такие теперь часто говорили люди, уезжающие красиво, с интервью, с чемоданами, с видом мучеников бизнес-класса. Неприятно было другое: она говорила о России так, будто Россия была старой, надоевшей прислугой, которая плохо выполнила обязанности перед своей знаменитой хозяйкой.

Рядом с Николаем Петровичем молодой человек в модных очках поднял камеру и стал снимать.

- Вот это да, - сказал он кому-то. - Руднина валит. Правильно делает.

Слово «валит» резануло по слуху.

Руднина тем временем повернулась к другой камере. Её лицо стало мягче, почти трагическим.

- Я лечу туда, где у человека есть право быть свободным. Где тебя ценят не за то, что ты удобен государству, а за то,

что ты личность.

И тут из толпы кто-то по-русски крикнул:

- Тира Сергеевна, а пенсию российскую оставите?

На секунду в её лице мелькнуло что-то острое и злое, но она тут же справилась с собой.

- Я заработала всё, что имею, - холодно сказала она. - И уж точно не вам считать мои деньги.

Иностранцы вокруг неё оживились. Им нравилось. Они ловили эту сцену жадно, с профессиональной радостью людей, которым наконец принесли понятный символ: знаменитая русская женщина улетает из России и сама произносит нужные слова. Никакого перевода почти не требовалось. Всё было ясно по лицу, по жестам, по направленным микрофонам, по тому, как сопровождающий уже открывал перед ней проход к регистрации.

Николай Петрович вдруг подумал, что эти люди встречают её не как Тиру Руднину. Им не нужна была её победа, её жизнь, её память, её боль, если она была. Им нужен был вынос знамени. Только наоборот: не поднять, а уронить, и чтобы это сделала сама бывшая знаменосица.

Руднина прошла совсем рядом.

От неё пахло дорогими духами, свежей кожей и каким-то холодным цветочным запахом, похожим на витрину в отеле. На мгновение Николай Петрович увидел её глаза. Усталые, сухие, злые. И почему-то испуганные.

Она его, конечно, не заметила.

А он вдруг вспомнил, как много лет назад на районном празднике девочка из спортивной школы читала стихи о Родине, сбивалась, краснела, но всё равно читала, потому что ей верили. Тогда это казалось смешным, провинциальным, немного наивным. А теперь почему-то именно та девочка показалась ему настоящей, а эта женщина в светлом пальто - нет.

Толпа двинулась за Рудниной к стойкам регистрации, потом рассыпалась. Остались встречающие, пассажиры, чемоданы, объявления, запах кофе и потной одежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.